

Пиррова победа: судебное решение без исполнения. Защита на уровне ЕСПЧ

Судебные тяжбы – обычно изнурительное и крайне трудоемкое занятие. Они могут длиться многие годы и обходиться сторонам весьма недешево. Наконец долгожданная победа одержана, ответчик повержен. Осталось дождаться исполнения. Но что делать, если победа – «пиррова»: ответчик не торопится исполнять решение, а приставы – не спешат его торопить?

Согласно статистике Европейского суда по правам человека¹, Россия занимает второе (после Турции) место по количеству жалоб, связанных с неисполнением судебных решений. Бывший судья от России в ЕСПЧ Анатолий Ковлер не раз отмечал, что неисполнение судебных решений – одна из основных проблем российского правосудия². Суды принимают многочисленные решения, принося истцам денежные выплаты или исполнение в натуре. В действительности, однако, истец зачастую вынужден ждать многие годы прежде чем решение в его пользу будет исполнено – если оно будет исполнено вообще.

Конвенция по правам человека³ содержит две статьи, имеющие отношение к делам, связанным с неисполнением судебных решений. Это статья 6 Конвенции и статья 1 Протокола №1 к Конвенции. Статья 6 содержит общие гарантии справедливости судебного разбирательства. Применительно к судебным процессам по гражданским делам эти гарантии включают право на «справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом...»

Статья 1 Протокола №1 посвящена защите права собственности. В ней говорится, в частности, что «никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права». Иными словами, эта статья запрещает государству лишать частных лиц их имущества в произвольном порядке. При этом под «лишением» понимается не только изъятие того, чем лицо обладало: это может быть и отказ в передаче лицу того, в отношении чего оно имело «обоснованное ожидание» (legitimate expectation). Термин «имущество» также толкуется Судом весьма широко, охватывая, среди прочего, и то, что присуждено лицу судебным решением (подробнее об этом ниже).

Дела, связанные с неисполнением судебных решений, принято разделять на две группы – те, где ответчиком является государство, и те, где ответчики являются частными лицами.

1. Неисполнение решений против государства

С делами против государства все обстоит довольно просто. Во-первых, на них распространяются гарантии статьи 6. В толковании ЕСПЧ, исполнение судебного решения является неотъемлемой частью судебного процесса, соответственно исполнение так же, как и сам судебный процесс, должно отвечать требованиям справедливости и разумной длительности⁴. Во-вторых, гарантии статьи 1 Протокола №1 в делах против государства также действуют в полном объеме. Право на

¹ http://echr.coe.int/Documents/Stats_violation_1959_2012_ENG.pdf

² <http://old.rian.ru/politics/20050210/24908674.html>,
<http://forum-slovo.ru/index.php?topic=796.0;wap2>,
<http://sutyajnik.ru/news/2013/01/2084.html>

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод, г. Рим, 1950 г.

⁴ Hornsby v. Greece, judgment of 19 March 1997, Reports of Judgments and Decisions 1997-II, pp. 510-511, § 40, and Immobiliare Saffi v. Italy [GC], no. 22774/93, § 63, ECHR 1999-V

получение имущества, признанное вступившим в законную силу судебным решением («присужденный долг») приравнивается к «имуществу» в смысле статьи 1 Протокола № 1⁵. Соответственно, отказ в выплате «присужденного долга» государством-должником почти автоматически приводит к нарушению упомянутого протокола.

2. Неисполнение решений против частных лиц

Что же касается дел о неисполнении судебных решений против частных лиц, то здесь ситуация несколько сложнее. Число неисполнений по делам против частных лиц гораздо больше, чем против государства; в то же время, добиться признания нарушения в ЕСПЧ по ним гораздо сложнее.

Далее мы рассмотрим их подробнее. Однако прежде чем перейти к деталям, сделаем небольшую оговорку. Для простоты изложения мы выделим статью 6 и статью 1 Протокола № 1 в два отдельных пункта. Это, однако, не означает, что эти две статьи конкурируют или исключают друг друга. Скорее наоборот: дела о «частном неисполнении», как правило, подпадают под обе эти статьи, и они рассматриваются Судом в совокупности. При этом алгоритм анализа дел по ним немного отличается, что и будет продемонстрировано ниже.

2.1. Неисполнение решений против частных лиц. Статья 6 Конвенции

В России, как и в большинстве постсоветских стран, исполнение решений национальных судов является функцией государства. Именно благодаря этому процедура исполнения судебного решения может попадать в «защитное поле» Конвенции – ведь Конвенция защищает частных лиц от нарушения со стороны государства, но не со стороны других частных лиц.

Итак, действия судебных приставов-исполнителей как представителей государства потенциально могут привести к нарушению статьи 6 Конвенции. В каких случаях это возможно?

Прежде всего (и ЕСПЧ обычно проговаривает это в решениях о «частном неисполнении») государство не обязано обеспечить истцу положительный результат по каждому исполнению. Однако, не будучи обязанным гарантировать результат, государство обязано обеспечить эффективный исполнительный процесс. Иными словами, оно должно предоставить истцу достаточный «юридический арсенал», позволяющий получить возмещение от уклоняющегося должника⁷.

Применительно к деятельности судебных приставов этот принцип означает, что пристав должен действовать «с особой тщательностью, чтобы обеспечить полное исполнение решений против частных должников»⁸.

Несоблюдение государством этого принципа, впрочем, не всегда приводит к автоматическому нарушению статьи 6 Конвенции. Неэффективная работа судебных приставов лишь тогда может представлять проблему с точки зрения 6 статьи, когда в результате такой работы «рухнет» весь исполнительный процесс⁹. Критерий «разрушительного влияния» ошибки приставов на ход исполнительного процесса применяется Судом при анализе дела на предмет нарушения не только статьи 6 Конвенции, но и статьи 1 протокола № 1 к Конвенции (подробнее об этом мы поговорим ниже).

⁵ *Vasilopoulou v. Greece*, no. 47541/99, § 22, 21 March 2002, *Burdov v. Russia* № 2, no. 33509/04, § 87, 15 January 2009.

⁶ *Sanglier v. France*, no. 50342/99, § 39, 27 May 2003.

⁷ *Dachar c. France* (dec.), no 42338/98, 6 juin 2000, *Kunashko c. Russie*, no 36337/03, § 38, 17 decembre 2009, *Fuklev v. Ukraine*, no. 71186/01, § 84, 7 June 2005, *Anokhin v. Russia* (dec.), no. 25867/02.

⁸ *Kunashko*, § 40.

⁹ *Kunashko v. Russia*, no. 36337/03, § 35, 17 December 2009.

Например, в решении по вопросу приемлемости жалобы «Кривоногова против России»¹⁰ ЕСПЧ не признал ошибку приставов «решающей» для хода исполнительного процесса, несмотря на то, что национальные суды признали действия приставов незаконными. В этом деле заявительница – г-жа Кривоногова – выиграла иск против частного лица о возвращении ей долга по договору займа. Началось исполнительное производство. Приставы обнаружили у ответчицы квартиру и наложили на нее арест. Однако спустя некоторое время супруг ответчицы направил в суд заявление о разделе имущества, чтобы сохранить свою долю. Тогда приставы сняли арест, после чего ответчица незамедлительно продала квартиру. Узнав о продаже квартиры, заявительница обратилась в суд, требуя признать действия приставов незаконными и возместить ущерб, причиненный ей в результате неисполнения судебного решения.

Суд удовлетворил требования заявительницы о признании действий приставов незаконными. Он установил, что незаконный акт службы судебных приставов позволил ответчице произвести отчуждение квартиры, что воспрепятствовало проведению исполнительного производства.

Однако в возмещении ущерба заявительнице было отказано. Суд указал, что «отмена постановления о наложении ареста на квартиру, нарушение сроков исполнительного производства, в результате чего решение до настоящего времени не исполнено, не является основанием для возмещения вреда [Минфином РФ и местным управлением юстиции], поскольку ущерб истце причинен [ответчицей], на нее обязанность по возмещению возложена решением суда». Суд установил, что «нет ни вины, ни причинной связи между действиями судебного пристава-исполнителя и причинением ущерба» заявительнице.

Исполнительное производство, однако, продолжалось. Спустя некоторое время после того, как было вынесено описанное судебное решение, приставы изъяли у ответчицы автомобиль и продали его, перечислив заявительнице около половины присужденной ей суммы.

Заявительница обратилась в ЕСПЧ, жалуюсь (среди прочего) на неполное исполнение судебного решения в ее пользу. ЕСПЧ отказал в признании в данном деле нарушения Конвенции, обосновав свое решение так. «...Указываемый заявителем ущерб основан на предположении о том, что исполнительное производство в случае, если бы постановление о наложении ареста на квартиру не было отменено, было бы более эффективным. Однако не приведено никаких доказательств, которые бы свидетельствовали о том, что снятие ареста с квартиры повлекло последствия в виде ущерба для исполнительного производства в целом.» Поскольку исполнительный процесс продолжается (и это не простая формальность, т.к. приставы изъяли у ответчицы автомобиль в погашение долга), то можно заключить, что ошибка приставов не была фатальной для процесса в целом, и взыскание долга по-прежнему является возможным».

В другом деле – Кунашко против России¹¹ обстоятельства сложились иначе. Заявительница выиграла иск о взыскании с частной организации (своего работодателя) сумму задолженности по зарплате. Спустя почти месяц было возбуждено исполнительное производство. Спустя полгода после возбуждения производства пристав направил запросы в компетентные организации (банки, автоинспекцию, регистрационную службу) с требованиями предоставить необходимую информацию. Еще через месяц заявительница, не видя движения в своем деле, обратилась с жалобой в прокуратуру. Прокуратура обнаружила факты нарушений и направила соответствующее представление в службу судебных приставов. После этого пристав направил должникам работодателя письма с требованиями подтвердить наличие задолженности. Спустя 3 месяца четверо должников подтвердили наличие долга, остальные, по-видимому, ничего не ответили. Примерно в это же время при-

¹⁰ Решение от 1 апреля 2004 г., жалоба №74694/01.

¹¹ Kunashko v. Russia, no. 36337/03, § 35, 17 December 2009.

став по неустановленной причине отозвал платежное требование, которое было в банке работодателя с целью гарантировать на случай прихода средств перевод суммы долга в пользу заявительницы. Вслед за этим пристав завершил исполнительное производство в связи с невозможностью обнаружить подлежащее взысканию имущество должника. Тем временем на счет работодателя было сделано несколько переводов от должников, но заявительница не смогла

воспользоваться этими суммами.

Спустя месяц исполнительное производство было вновь возобновлено. Примерно в это же время мировой судья по жалобе заявительницы признал действия пристава в первом процессе незаконными и обязал пристава исправить нарушения и принять меры для принудительного исполнения судебного решения.

На следующий день пристав наложил арест на задолженность, причитающуюся работодателю от четырех должников, признавших наличие задолженности. Однако спустя 4 дня он снял арест на основании неликвидности задолженности и невозможности оценить продажную цену активов.

Вскоре на счет работодателя вновь пришла небольшая сумма от одного из должников. После ее пропорционального распределения между кредиторами на счет заявительницы было перечислено примерно 7,4 % первоначального долга. Спустя 2 месяца производство было прекращено, опять со ссылкой на невозможность обнаружить подлежащее взысканию имущество должника.

Заявительница обратилась в суд с иском к Минфину с требованием возместить ей остаток долга. Суд отказал, указав, что признание действий пристава незаконными «само по себе не может служить доказательством причинения убытков.» «Действия судебного пристава-исполнителя не повлекли уменьшения суммы долга, право требования возмещения которого принадлежит заявительнице, и не привели к его погашению. Требование по-прежнему может быть [обращено] к [должнику] или продано третьим лицам <...>. Суд полагает, что заявительница не смогла доказать, что она понес-

ла убытки по причине незаконных действий судебного пристава-исполнителя».

Тогда заявительница обратилась в ЕСПЧ, жалуясь на нарушение статьи 6 Конвенции в связи с тем, что вследствие неадекватных действий властей судебное решение в ее пользу не было исполнено.

ЕСПЧ поддержал доводы заявительницы, отметив следующее. Во-первых, ошибки приставов были неоднократными. Во-вторых, приставы не предприняли мер к розыску и аресту имущества должника в течение полугода с момента начала исполнительного производства, хотя на балансе должника к началу производства числилось значительное число активов. Впоследствии также не принималось адекватных мер к розыску активов; о судьбе того, что было на балансе к началу производства, государство ничего сообщить не смогло. Наконец, приставы не позаботились о возврате работодателю долгов, попросту списав их как неликвидные или невозвратные. ЕСПЧ заключил, что «недостатки работы судебных приставов-исполнителей в данном деле являются серьезными и по своей природе препятствуют адекватному исполнительному производству в целом». Суд установил нарушение статьи 6 Конвенции.

Надо отметить, что в делах о «частном неисполнении» (в отличие от дел против государства) заявителю отводится довольно существенная роль: он должен сам активно содействовать исполнительному процессу – инициировать его, интересоваться ходом исполнения, обжаловать ненадле-

жащие, по его мнению, действия приставов¹². Если же он не интересовался ходом исполнения и лишь пассивно ожидал результата, его последующая жалоба в ЕСПЧ может быть признана необоснованной.

Таким образом, убедительная жалоба на нарушение 6 статьи в деле о «частном неисполнении» должна демонстрировать: 1) неэффективность работы пристава, 2) «разрушительный» эффект ненадлежащих действий пристава на ход исполнительного процесса, и 3) активное участие заявителя в исполнительном процессе.

2.2. Неисполнение решений против частных лиц. Статья 1 Протокола N 1 к Конвенции

По общему правилу, то, что присуждается заявителям по имущественным искам, охватывается гарантиями ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции. Так, в решении по вопросу приемлемости жалобы «Кривоногова против России»¹³ Европейский Суд отмечает, что «присуждение суммы долга по судебному решению в пользу [заявителя] может рассматриваться как "имущество" по смыслу ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции.

Тем не менее, гарантии статьи 1 Протокола N 1 в случаях неисполнения судебных решений против частных лиц не столь широки, как с решениями против государства. Как неоднократно признавал ЕСПЧ, «государство, как правило, не несет прямой ответственности за долги частных лиц, и его обязательства сводятся к предоставлению необходимого содействия кредитору в принудительном исполнении принятых судебных решений, через, например, службу судебных приставов или процедуры банкротства¹⁴».

Из этого следует, что присужденное заявителю имущество подпадает под защиту Конвенции, что возлагает на государство некоторые обязательства: «в определенных обстоятельствах статья 1 Протокола N 1 может требовать принятия мер, необходимых для защиты права собственности [...] даже в случае с судебными исками между физическими лицами или компаниями¹⁵».

Этот принцип широко применяется в контексте обращения взыскания на имущество частных лиц в рамках исполнительного производства¹⁶. Так, в деле «Фуклев против Украины» заявитель обвинил государство в нарушении статьи 1 Протокола N 1 в связи с чрезмерно долгим и неэффективным исполнением судебного решения о выплате ему зарплаты работодателем – частной компанией. Исполнительное производство тянулось больше трех лет, и в результате заявитель получил меньше половины того, что ему причиталось. ЕСПЧ удовлетворил жалобу заявителя и отметил следующее: «... бездействие судебных приставов и не осуществление национальными судами надлежащего контроля за ситуацией создает постоянную неуверенность в исполнении решения,

¹² *Scollo v. Italy*, 28 September 1995, § 44, Series A no. 315-C, *Anokhin v. Russia* (dec.), no. 25867/02, *Shestakov v. Russia* (dec.), no. 48757/99.

¹³ Решение от 1 апреля 2004 г., жалоба №74694/01.

¹⁴ См., например, решения Европейского суда по вопросу приемлемости жалоб "Шестаков против России" (*Shestakov v. Russia*), жалоба N 48757/99, от 18 июня 2002 года; "Кривоногова против России" (*Krivotnogova v. Russia*), жалоба N 74694/01, от 1 апреля 2004 года; и постановления Европейского суда по делам "Кесян против России" (*Kesyanyan v. Russia*), жалоба N 36496/02, от 19 октября 2006 года, а также по делу "Сколло против Италии" (*Scollo v. Italy*), от 28 сентября 1995 года, Series A N 315-C, пункт 44, и "Фуклев против Украины" (*Fuklev v. Ukraine*), жалоба N 71186/01, пункт 84, от 7 июня 2005 года).

¹⁵ *Sovtransavto Holding v. Ukraine* (no. 48553/99, § 96.

¹⁶ *Fuklev v. Ukraine*, no. 71186/01, §§ 89-91, 7 June 2005; *Kesyanyan v. Russia*, no. 36496/02, §§ 79-80, 19 October 2006; *Kin-Stib and Majkic v. Serbia*, no. [12312/05](#), § 84, 20 April 2010; *Marcic and Others v. Serbia*, no. [17556/05](#), § 56, 30 October 2007.

вынесенного в пользу заявителя и выплате причитающегося ему долга. Следовательно, заявитель должен жить с этой неуверенностью в течение продолжительного периода времени...» Суд заключил, что «характер исполнительного производства, его общая продолжительность и неуверенность, в которой находился заявитель, нарушили «справедливый баланс», который должен соблюдаться между требованиями публичного интереса и необходимостью защищать права заявителя на свободное владение собственностью. Следовательно, государство не выполнило свою обязанность обеспечить заявителю эффективное пользование своим правом собственности, гарантированное статьей 1 Протокола N 1¹⁷».

Как и в вопросе нарушения 6 статьи, нарушение статьи 1 Протокола N 1 не следует автоматически из любой ошибки пристава. Здесь, как и в случае с 6 статьей, действует критерий «разрушительного влияния» ошибки приставов на ход исполнительного процесса. Помимо упоминавшегося выше дела «Кривоногова против России», аналогичный подход высказывался Судом в делах «Сучков против России¹⁸», «Шарра против Албании¹⁹» и других.

То, что говорилось о необходимости активного участия заявителя в ходе исполнительного процесса применительно к 6 статье, справедливо и для статьи 1 Протокола N 1.

2.3. Банкротство должника

В подавляющем большинстве случаев неспособность приставов исполнить судебное решение связано не с ошибкой при исполнении, а с объективными причинами, как, например, банкротство должника. Банкротство должника (независимо от вызвавших его обстоятельств) относится к «факторам непреодолимой силы» для государства: оно признается разумным оправданием невозможности исполнения судебного решения.

Деятельность российских арбитражных управляющих в процедуре банкротства, как правило, не охватывается гарантиями Конвенции по правам человека. Это объясняется тем, что арбитражный управляющий не является государственным должностным лицом, не осуществляет публичных функций, деятельность его находится вне полноценного государственного контроля.

Так, в деле «Покутная против России» заявительница требовала принудительного выкупа своих акций акционерным обществом «Ракитянская ДСПМК» (общество не принадлежало государству и не контролировалось им). Российский суд вынес решение в пользу заявительницы и направил исполнительный лист в службу судебных приставов. Тем временем в отношении общества была начата процедура банкротства. Приставы, получив лист, добросовестно переслали его арбитражному управляющему. Проблема заключалась в том, что арбитражный управляющий оказался не тем, кто вел дело должника. Впрочем, получатель листа переадресовал его «нужному» управляющему без лишних промедлений.

Заявительница обратилась в суд с жалобой на действия пристава. Суд признал, что пристав проявил небрежность, адресовав исполнительный лист не тому лицу, однако отказал в возмещении вреда в результате ошибки заявителя. Тем временем должник был признан банкротом, и исполнительное производство было прекращено.

Заявительница обратилась в ЕСПЧ, жалуюсь, что приставы спровоцировали необоснованную задержку в исполнительном процессе и на то, что государство не обеспечило надлежащее исполнение судебного решения. ЕСПЧ отказал в признании нарушения, отметив следующее. Заявитель-

¹⁷ Fuklev v. Ukraine, no. 71186/01, §§ 92-93, 7 June 2005).

¹⁸ Suchkov v. Russia, no. 24371/02, 08 December 2009.

¹⁹ Sharra v. Albania, no. 29975/06, 06 December 2011.

ница выиграла иск к должнику после начала процедуры банкротства. С начала процедуры банкротства ведение активами должника перешло к арбитражному управляющему – лицу, являющемуся индивидуальным предпринимателем и не контролируемому государством в такой степени, чтобы его действия можно было атрибутировать государству. Таким образом, функция государственных агентов – судебных приставов – в данном деле была довольно скромной: передать кредиторские требования заявительницы для исполнения арбитражным управляющим. С этой функцией они в конечном итоге все-таки справились, и на этом роль государства в исполнительном процессе успешно завершилась. ЕСПЧ признал, что государство в достаточной степени поспособствовало исполнению судебного решения в пользу заявительницы и тем самым выполнило позитивные обязательства, возлагаемые на него статьей 1 Протокола N 1.

В дальнейшем в деле «Котов против России» ЕСПЧ еще раз подтвердил свою позицию о частном статусе российских арбитражных управляющих в процедуре банкротства и заключил, что государство-ответчик не может нести прямой ответственности за их ошибки.

3. Исчерпание национальных средств защиты

Обязательным условием для подачи жалобы в ЕСПЧ является исчерпание внутригосударственных средств правовой защиты. Иными словами, ЕСПЧ может принять жалобу к рассмотрению, только убедившись в том, что заявитель сделал все, чтобы добиться восстановления его нарушенных прав при помощи ресурсов собственного государства. Обычно это достигается путем обращения в национальный суд, который применяет норму национального права, санкционирующую возмещение причиненного заявителю вреда.

Нормы, санкционирующие возмещение вреда, причиненного нарушением прав человека, существуют в национальных законодательствах не всегда. Если их нет, то можно говорить об отсутствии эффективного средства правовой защиты в отношении определенного нарушения, и в этом случае заявители освобождаются от обязанности обращаться в национальные суды перед подачей жалобы в ЕСПЧ.

В случае с неисполнением судебных решений в России вопрос об эффективных средствах правовой защиты довольно неоднозначен.

15 января 2009 года в пилотном постановлении «Бурдов против России²⁰» ЕСПЧ признал, что в России отсутствует эффективное средство правовой защиты по делам о длительном неисполнении судебных решений против государства. (Дело Бурдова касалось длительного неисполнения решений о взыскании задолженности по выплатам участнику ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.) В постановлении по делу Бурдова Страсбургский Суд обязал Россию «создать эффективное внутреннее средство правовой защиты [...] обеспечивающие адекватное и достаточное возмещение в связи с неисполнением или несвоевременным исполнением решений национальных судов..».

Такой закон («закон о судебной волоките²¹») был принят и вступил в силу 4 мая 2010 года. Закон этот, впрочем, довольно скоро разочаровал Страсбург²². Если он и предусматривает возможность возместить вред, причиненный длительным неисполнением по делам о взыскании бюджет-

²⁰ Burdov v. Russia № 2, no. 33509/04, 15 January 2009.

²¹ Федеральный закон Российской Федерации от 30 апреля 2010 г. N 68-ФЗ "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок".

²² См. решения по делам «Илюшкин и другие против России» (Ilyushkin and Others v. Russia, applications NN 5734/08 etc.), «Калинкин и другие против России» (Kalinkin and Others v. Russia, applications NN 16967/10 etc).

ных средств, то к делам о выполнении государством обязательств в натуре (например, о выделении квартиры) или об исполнении судебного решения против частных лиц этот закон неприменим.

Таким образом, «закон о судебной волоките» является средством защиты только в отношении дел о взыскании с государства денежных средств.

Другая категория дел – те, что связаны с неисполнением государством обязательств в натуре – по-прежнему остается без средства судебной защиты. «Закон о судебной волоките» здесь не работает. Попытки обжалования действий судебных приставов лишены логики: в делах против государства должник и исполнитель фактически совпадают в одном лице (пристав – представитель государства – взыскивает средства с Минфина, т.е. опять-таки с государства). Соответственно, добиваться на национальном уровне возмещения вреда в связи с длительным неисполнением государственных обязательств в натуре бесполезно – эффективного средства защиты в России на сегодняшний день нет.

Наконец, третья категория дел – неисполнение против частных лиц – принципиально отличается от дел о неисполнении решений против государства. Государственный агент – судебный пристав – юридически не зависит ни от одной из сторон. Следовательно, обжалование его действий в судебном порядке на основании гл. 25 ГПК РФ не лишено смысла и может рассматриваться как средство судебной защиты. Иск в порядке гл. 25 ГПК РФ дает возможность признать действия приставов неправомерными, а последующее обращение в суд на основании 1069 ГК теоретически дает шанс на получение компенсации морального вреда, причиненного такими неправомерными действиями.

Важно отметить, что наличие или отсутствие эффективного средства защиты определяет начало течения срока, отведенного на подачу жалобы в ЕСПЧ. Если средство есть, срок начинает течь с момента исчерпания этого средства (т.е. со дня окончательного судебного решения по этому вопросу). Если же средства нет, срок течет начиная с момента фактического исполнения судебного решения либо, если решение не исполнено, нарушение признается длящимся, и подавать жалобу можно в любое время.

Выводы

Проблемы с неэффективным исполнением судебных решений могут покрываться гарантиями статьи 6 и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции по правам человека.

Процесс исполнения судебных решений против государства полноценно подпадает под гарантии обеих этих статей: в смысле статьи 6 исполнительный процесс является неотъемлемой частью судебного процесса, а по статье 1 Протокола N 1 процедура взыскания с государства присужденного заявителю имущества охватывается гарантией защиты собственности.

Исполнение решений против частных лиц защищается Конвенцией в меньшей степени, чем исполнение против государства: статья 6 действует в том же объеме, однако статья 1 Протокола N 1 накладывает на государство лишь обязательство оказать разумное содействие при взыскании долга, но, разумеется, не расплатиться по нему.

Ошибки приставов в исполнительном процессе далеко не всегда приводят к нарушению конвенционных прав заявителя: для того, чтобы возникла проблема по Конвенции, необходимо, чтобы ошибка пристава произвела «разрушительный эффект» на ход исполнительного процесса в целом.

В делах о «частном неисполнении» (в отличие от дел против государства) заявитель должен принимать активное участие в исполнительном процессе: интересоваться ходом исполнения, обжа-

вать ненадлежащие, по его мнению, действия приставов. В противном случае его последующая жалоба в ЕСПЧ может быть признана необоснованной.

Перед подачей жалобы в ЕСПЧ необходимо исчерпать эффективные средства защиты на национальном уровне.

В делах о длительном неисполнении государством обязательств по выплате денежных средств эффективным средством защиты является «закон о судебной волоките». Жалобу в ЕСПЧ можно подавать в течение 6 месяцев после окончательного судебного решения (кассационного определения) по иску о компенсации вреда на основании «закона о волоките».

В делах о длительном неисполнении государством обязательств в натуре эффективного средства защиты нет. Жалобу в ЕСПЧ можно подавать в течение 6 месяцев после фактического исполнения решения либо в любой момент, если решение еще не исполнено.

В делах против частных лиц средство защиты существует – необходимо обжаловать действия пристава в порядке гл. 25 ГПК РФ, затем можно потребовать компенсации вреда на основании ст. 1069 ГК. Срок подачи жалобы в ЕСПЧ по таким делам исчисляется с момента окончательного судебного решения по иску, поданному в порядке гл. 25 ГПК РФ или ст. 1069 ГК.

Процедура банкротства, в отличие от исполнительного процесса, как правило, выпадает из «защитного поля» Конвенции, так как арбитражные управляющие не являются государственными должностными лицами, и государство не может нести прямую ответственность за их действия.

Материал подготовлен компанией Roche & Duffay
тел. (495) 790-2660; 926-2990